

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОНЦЕПТА «ГРЕХ» В ПОЭЗИИ СЕМЕНА ЛИПКИНА

В данной статье анализируют особенности общеязыкового представления концепта «Грех» в русской языковой картине мира, далее рассматриваются особенности лексического воплощения данного концепта в поэтическом мире Семена Липкина. В статье представлены особенности синтагматических и парадигматических связей лексемы *грех*.

Ключевые слова: концепт, религиозная и поэтическая картины мира.

Поэтическая картина мира не совпадает по своему содержанию с религиозной картиной мира, однако отдельные элементы второй в том или ином виде могут быть представлены в поэтических текстах. В поэзии отдельного автора могут встретиться как отдельные элементы религиозной картины мира, так и сложная система религиозных представлений. При этом данная система может быть очень далекой от собственно религиозной картины мира и с точки зрения «формальных свойств, и с точки зрения содержания» [2: 96].

В поэзии выдающегося поэта XX века Семена Липкина религиозная картина мира, кроме объяснительной и упорядочивающей, выполняет и аксиологическую функцию. Поскольку рамки статьи не позволяют охарактеризовать всю систему религиозных представлений в поэзии Семена Липкина, ограничимся рассмотрением особенностей лексического представления лишь одного концепта – «Грех».

В соответствии с поставленной целью мы решаем две задачи – определить особенности лексического представления данного концепта в русской языковой картине мира, а затем найти черты сходства с «концептом-универсалией» [6: 98] и специфические черты концепта, представленного в поэзии С. Липкина.

Концепт «Грех» – один из важнейших в русской языковой картине мира, поскольку отражает «мировидение русского народа, его психологию, этические и моральные принципы, религиозные и мирские знания» (Н.О. Козина). Концепт «Грех», являясь важнейшей частью религиозной картины мира, означает, во-первых, «сознательное неподчинение воле Бога, отпадение от Бога и подчинением сатане» [7: 115], во-вторых, «нарушением действие, словом или мыслью данного Богом нравственного за-

кона, религиозно-нравственных правил, заповедей; поступок, свидетельствующий о таком поведении» [7:115].

Наиболее частотной при вербализации данного концепта является лексема грех (по данным Национального корпуса русского языка лексема грех имеет около 9 тысяч вхождений в 3 тысячи контекстов, из них более 700 – в поэтические тексты).

В токовых словарях русского языка [4], [8] лексема *грех* представляется как многозначная, основным значением которой является сема 'нарушение религиозно-нравственных предписаний'. Переносное значение лексемы образуются гласным образом за счет расширения дифференцирующей семы от 'религиозно-нравственных предписаний' до 'правил вообще'. Бесспорно, данная лексема относится к системе лексических воплощений религиозной картины мира, об этом свидетельствует, во-первых, наличие тематической пометы в словарной статье (религ.), во-вторых, адъектив *религиозно-нравственных* в составе дифференцирующей семы. Однако наличие в составе дефиниции (в толковых и даже исторических [10] словарях) комментария «у верующих», представляющего денотат как существующий лишь в определенной системе взглядов на мир, не может трансформировать какие-либо компоненты семантической структуры слова. Данный комментарий свидетельствует о том, что какое-то конкретное нарушение религиозно-нравственных предписаний может является грехом только с позиций верующего человека.

При анализе данной лексемы необходимо обратиться к ее этимологии для поиска ответа на вопрос, всегда ли данная лексема эксплицировала религиозные представления человека. П.Я Черных отмечает, что в старославянском

языке (это, прежде всего, связано со сферой функционирования данного языка) данная лексема употреблялась с религиозным значением [10; 216]. Это же подтверждают и «Полный церковно-славянский словарь» (сост. Г. Дьяченко), и «Словарь церковнославянского и русского языка... 1847 года» [1; 133–134], [9; 299]. А вот в древнерусском языке лексема *грехъ* с религиозным компонентом значения начинает функционировать, согласно данным словаря П.Я Черных, с XI века [10; 216]. Стоит предположить, что эта дата связана не столько с началом функционирования лексемы в составе лексических воплощений религиозной картины мира, сколько с тем, что она впервые фиксируется с данным значением в одном из письменных памятников. Более ранних употреблений в русских текстах зафиксировать невозможно, поскольку «до нас не дошло от X в. никаких сколько-нибудь пространственных текстов, не говоря уже о письменных памятниках литературы, самые старшие из которых относятся только к XI в.» (А.И. Горшков).

В общеславянском языке лексема *грех* также не имела религиозного компонента в своей семной структуре: по разным источникам, она связана с лексемой *греть* с первоначальным значением «жжение (совести)» [11; 456] или с лексемой *сърѣза* – «ошибка» (от *грѣза* – «грязь»). Лексема *грех*, имевшая в общеславянском языке значение «заблуждение», «путаница», «ошибка», не связанное с религиозной картиной мира, приобретает религиозный компонент значения после принятия христианства [12; 114–116]; при этом данный процесс происходит в разных славянских языках в разное время, вероятнее всего, через посредство старославянского языка (болг. *грѣх*, макед. *грев*, сербохорв. *грѣх*, словен. *gréh*, чеш. *hřich*, польск. *grzech* и т. д.). В современном русском языке именно лексема грех представляет собой ядро концепта «Грех».

В поэзии Семена Липкина концепт «Грех» представлен весьма разнообразно. Одной из ярких особенностей поэтического представления данного концепта – стремление разносторонне его охарактеризовать. Следует учесть при этом, что концепт способен в индивидуальном поэтическом сознании редуцироваться или интерпретироваться, поскольку картина мира «не есть зеркальное отражение мира и не «открытое окно» в мир, а именно картина, т. е. интерпретация, акт миропонимания», она зависима от

призмы, через которую совершается мировидение» [5: 33].

Греховно, по мнению С.Липкина:

– сводить с ума своей красотой (быть причиной одной из страстей): «И, словно созданная для греха, / Выходит на террасу щебетунья, / Цветущая полячка, хохотунья, / Чья бровь дугой, и ямки на щеках, / И множество браслетов на руках, / И необдуманная прелесть глаз / Уже не раз с ума сводили нас» [3: 18–20];

– говорить, кричать (особенно, если это кажется призыва на свидание своей любовницы): «В том окне / Мелькнула та, что всех дороже мне. / Ну что же, надо ставни запирасть, / Не в духе муж, пора стелить кровать. / Но я, чего же медлю я, чего? / Как ждёт она призыва моего! / Где камень? Пусть окно задребезжит! / Где голос? Кликну – мигом прибежит. / Но камень разучилась брать рука, / Ладонь для камня чересчур мягка, / Но голос мой давно кричать отвык, / Давно мой грешный приручен язык» [3: 25]. А иногда и не просто говорить, а говорить на житейские темы: «У меня же к тем житейским фразам, / Как на грех, пристрастье с давних пор» [3: 137];

– тщеславие: «Понимая свое значение, / Но тщеславьем не греша, / В предварительном заключенье / Умирает моя душа» [3: 175];

– убийство (хотя оно в данном стихотворении явно не названо, однако образ ликующего и кающегося Каина соотносится только со смертью): «Там ли, в капище зла и греха, / Где ликует и кается Каин, / Обнажая свои потроха?» [3: 112];

– неумение (или нежелание) просить прощения у людей и у Бога: «Он привык летать в дурное место, / Где грешат и явно, и тайком, / Где хозяйка утром ставит тесто, / Переспав с проезжим мужиком, / Где обсчитывают, и доносят, / И поют, и плачут, и казнят, / У людей прощения не просят, А у Бога – часто невпопад...» [3: 129–130]. В данном стихотворном фрагменте мы видим и другие грехи: прелюбодеяние и отсутствие какого-либо раскаяния в этом, разные виды обмана, доносы и т. д.;

– беспутство России (которая дается олицетворенно): «Сегодня – святая и кличет на бой, / А завтра – гулящая девка. <...> И пусть мы не смеем ее понимать, – / Ее осуждать мы не можем. / За грешную нашу беспутную мать / Мы головы с радостью сложим» [3: 26–27].

В стихотворении «Беседа» лирический герой ведет диалог со Всевышним (здесь мы видим одну

из ярких особенностей представления религиозной картины мира С. Липкиным – Бог имманентен миру [14]: для искупления своих грехов он пытается выяснить, а что же является губительным грехом для него («нежная сладость» женщины, желание «призрачной славы», игра словами и творение слов, любовь к золотой суете и т. д.). Всевышний отрицает губительность этих мелких грехов – губительным, по его мнению, для души лирического героя является лукавство себе:

Говори, почему ты лукавишь с собой?
Почему же всей правды, скажи, почему,
Ты не выскажешь даже себе самому?
Не откроешь себе то, что скрыл ото всех?
*Вот он, страшный твой грех,
твой губительный грех!* [3: 34].

Данное стихотворение выступает квинтэссенцией в представлении концепта «Грех»: каким бы не был грех, его губительность в лукавстве себе и не умении признать это (в словаре синонимов «лукавство» приравнивается даже к «бесовству»).

Искупление греховности, по мнению Всевышнего, наступает в момент диалога человека с Богом:

– Но когда же, о Боже, его искуплю?
– В час, когда Я с тобою в беседу вступлю
[3: 34].

Следует отметить, что греховность, как утверждает С. Липкин, распространена исключительно на земле: «Говорят, нужен разум в эдеме, / Но нужнее – на грешной земле» [3: 131–132]; «Где грешат и явно, и тайком, / Где хозяйка утром ставит тесто, / Переспав с проезжим мужиком, / Где обсчитывают, и доносят, / И поют, и плачут, и казнят, / У людей прощения не просят, А у Бога – часто невпопад...» [3: 129–130].

Грех там, где есть человек. Однако и на земле мог существовать рай (до грехопадения). Об этом говорится в стихотворении С. Липкина «Ничтожество» [13].

А может ли быть человек безгрешным? В стихотворении «Пепел» лирический герой ставит этот вопрос, сравнивая себя с листом:

Ну, а я-то не лист, не безгрешен,
Но, быть может, я лучше листа?
Знал я горе, стремление к благу,
Муки совести, жгучий позор...
Неужели вот так же я лягу –
Пепел осени, лагерный сор... [3: 88–89]

Несмотря на то, что лист безгрешен, он все равно становится пеплом осени, лагерным сором. Герой безгрешен, как лист, поэтому, не желая лечь пеплом осени, он вопрошает: «Но, может быть, я лучше листа?» [3: 89].

Интересно, что безгрешности в стихотворении «Живой» синонимична святость (хотя в религиозной традиции лексема *святость* по своей семантике значительно уже: она имеет значение – «наделенность Божественной благодатью; источник Божественной силы»; ни один словарь синонимов не дает данные слова в качестве синонимов). Греховность и святость, по представлениям С. Липкина, разделяются человеческой смертью: «Словно греховность от святости / Смертью своей отделив...» [3: 154]. Вероятно, что смерть одномоментно искупает все человеческие грехи.

Подводя итог рассуждениям, считаем необходимым отметить, что, контекстуально концепт «Грех» в поэтических текстах С. Липкина может быть представлен и без употребления ядерной лексемы: «То не ты ли кланялся гадинам / Ради выгоды небольшой, / Торговал и своим, и краденным, / Исвоей душой, и чужой?» [3: 171]; «Говорят мне сестрицы: «Беда, Слишком ты, Акулина, горда, / Никогда не видать твоих слез, / А ведь плакал-то, плакал Христос»» [3: 107]; «Не он увел мою невесту / И ложь за правду выдавал, / Не он, молясь и чтя Авесту, / Колесовал, четвертовал. / Не он во мраке подземелья / Сгноил, разгневан, верных слуг, / Не он побил меня с похмелья / И продал мать мою на юг» [3: 78].

Таким образом, рассмотрение некоторых особенностей лексического воплощения концепта «Грех» в поэтической картине мира Семена Липкина наглядно демонстрирует, что художественные концепты, максимально схожие по своей структуре с концептами в религиозной картине мира, обладают заметной спецификой.

20.09.2013

Список литературы:

1. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. М.: Изд.отдел Московского Патриархата, 1993.
2. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №104. С. 96-106.
3. Липкин С. Семь десятилетий. Стихотворения и поэмы. М.: Возвращение, 2000. 592 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1998.
5. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
6. Сергеева Е.В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. №5. С. 98-102
7. Складаревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. М., 2007. 447 с.
8. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. Исследований. 4-е изд., стер. М.: Русяз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А-И.
9. Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб: Типография Императорской АН, 1847. Т. 1. 439 с.
10. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 1999. Т. I. 624 с.
11. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1987. Т. 1.
12. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд: выпуск 7 / под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1980.
13. Якимов П.А. Некоторые особенности лексического воплощения религиозной картины мира в поэзии Семена Липкина // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. №4 (140). С. 75-81.
14. Якимов П.А. Концепт «Бог» в художественной картине мира С. Липкина // Вестник Оренбургского университета. 2012. №11. С. 145-147.

Сведения об авторе:

Якимов Петр Анатольевич, доцент кафедры русской филологии и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, ауд. 1106, тел. (3532) 372436, e-mail: pyakimov@mail.ru

UDC 81-112.2; 81-114.2

Yakimov P.A.

Orenburg state university, e-mail: pyakimov@mail.ru

TO THE QUESTION OF LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT «SIN» IN POETRY OF SIMEON LIPKIN

In this article analyzes features of common-language representation of a concept «Sin» in the Russian language picture of the world, features of lexical representation of this concept in Simeon Lipkin's poetic world further are considered. Features of syntagmatic and paradigmatic communications of a lexeme are presented in article a sin.

Key words: concept, religious and poetic pictures of the world.

Bibliography:

1. D'yachenko G. Polnyi cerkovno-slavyanskii slovar'. M.: Izd.otdel Moskovskogo Patriarhata, 1993.
2. Efremov V.A. Teoriya koncepta i konceptual'noe prostranstvo // Izhvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. №104. S. 96-106.
3. Lipkin S. Sem' desyatiletii. Stihotvoreniya i poemy. M.: Vozvrashenie, 2000. 592 s.
4. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. M.: Azbukovnik, 1998.
5. Postovalova V.I. Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: Yazyk i kartina mira. M.: Nauka, 1988.
6. Sergeeva E.V. K voprosu o klassifikatsii konceptov v hudozhestvennom tekste // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2006. №5. S. 98-102
7. Sklyarevskaya G.N. Slovar' pravoslavnoi cerkovnoi kul'tury. M., 2007. 447 s.
8. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / RAN, In-t lingvistich. Issledovani. 4-e izd., ster. M.: Rusyaz.; Poligrafresursy, 1999. T. 1.
9. Slovar' cerkovno-slavyanskago i russkago yazyka: v 4 t. SPb: Tipografiya Imperatorskoi AN, 1847. T. 1. 439 s.
10. Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t. M.: Russkii yazyk, 1999. T. I. 624 s.
11. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. M.: Progress, 1987. T. 1.
12. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond: vypusk 7 / pod red. O.N. Trubacheva. M.: Nauka, 1980.
13. Yakimov P.A. Nekotorye osobennosti leksicheskogo voplosheniya religioznoi kartiny mira v poezii Semena Lipkina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. №4 (140). S. 75-81.
14. Yakimov P.A. Koncept «Bog» v hudozhestvennoi kartine mira S. Lipkina // Vestnik Orenburgskogo universiteta. 2012. №11. S. 145-147.